

„Каков Толстой!!!“

30 мая 1888 года из села Фроловского, что находится недалеко от Клина, в ста километрах от Москвы, П. И. Чайковский послал письмо в Тифлис, где в то время жил его младший брат Анатолий Ильич Чайковский с семьей. Письмо адресовано жене брата — Прасковье Владимировне Чайковской.

На первый взгляд читатель не обнаружит в этом письме ничего особенного. В нем говорится о том, что младший брат Чайковского, драматург и оперный либреттист Модест Ильич, отправляясь на отдых в Тифлис к брату-близнецу Анатолию, заехал мимоходом на пару дней в село Фроловское к Петру Ильичу. Далее речь идет о домашних делах, о консерваторских экзаменах, об увлечении цветоводством, и вдруг появляется совершенно неожиданная, ничем, казалось бы, не мотивированная, но весьма многозначительная фраза, подкрепленная тремя восклицательными знаками: «Каков Толстой!!!»

Незначай ли закралась эта короткая фраза между строк письма? Чайковский как будто чего-то не договаривает, не поясняет, не уточняет. И делает это, очевидно, вполне сознательно. Создается впечатление, что это полное скрытого смысла высказывание о Толстом является как бы ответом на давно поставленный вопрос, о котором, надо полагать, очень хорошо была осведомлена его корреспондентка.

Ведь Чайковский незадолго до послышки этого письма гостил почти в течение целого месяца у брата в Тифлисе, куда он приехал в двадцатых числах марта 1888 года, возвращаясь морем из большой концертной поездки по странам Западной Европы. У него было достаточно времени, чтобы поговорить и наспороться с братом и невестой по вопросам, которые их всех тогда сильно волновали. И теперь, вернувшись к себе домой, Петр Ильич, как бы продолжая еще не остывший спор, быть может, даже с политической окраской, как-то высказался о Толстом, восторженно восклицает: «Каков Толстой!!!»

Чайковский очень высоко ценил и любил Толстого. «Толстой громадный и в высшей степени симпатичный мне талант», — писал он. Однако не все, что выходило из-под пера Толстого, принималось им безоговорочно. Особенно критически Чайковский относился к сочинениям Толстого на религиозные темы: «Зачем этот человек ударился в учительство, в манию проповедничества...», — с досадой пишет Чайковский в своем дневнике. Вместе с тем он благоговел и преклонялся перед его художественным гением: «Прочел «Смерть Ивана Ильича». Более чем когда-либо я убежден, что величайший из всех когда-либо бывших писателей-художников, — есть Л. Н. Толстой. Его одного достаточно, чтобы русский человек не склонял стыдливо голову, когда перед ним высчитывают все великое, что дала человечеству Европа» (Запись в дневнике от 12 июля 1886 года).

В письмах к Н. Ф. Мекк, С. И. Танеэву, брату Модесту и другим Чайковский неоднократно признавался, что при чтении произведений Толстого он часто плакал, трепетал от восторга, от той любви и жалости к людям, которые пробуждал в нем великий чародей слова и гениальный сердцевед.

Почему же Чайковский, так часто открыто высказывая свое мнение о Толстом, в данном письме воздержался от каких-либо комментариев, ограничившись тремя восклицательными знаками?

Обращает на себя внимание приписка, сделанная Чайковским на следующий день, в письме, адресованном своей постоянной корреспондентке Н. Мекк: «Брат Анатолий — прокурор».

Правовед А. И. Чайковский, несколько лет прослуживший в

Неизвестное письмо

П. И. Чайковского,

касающееся Л. Н. Толстого

судебных учреждений Москвы, Киева, Тифлиса, в начале 1888 года был произведен в чин генерала и назначен на должность прокурора, а затем вице-губернатора Тифлиса. В мрачное время черносотенной реакции и полицейского террора, царивших в 80-х годах прошлого века, когда, по выражению А. Блока, «Победоносцев над Россией простер совиные крыла», не только казенная, но и вся частная переписка подвергалась перлюстрации. Особые органы полицейского надзора перечитывали всю корреспонденцию, откуда и куда бы она ни шла, выискивая крамолу. Не миновали этой участи и письма, адресованные даже высшим чиновникам. Чайковский, проявляя чуть ли не матерински бережное и заботливое отношение к младшему брату и его семье, очевидно, опасаясь открыто высказывать свои мысли о Толстом, так как это угрожало навлесть на брата подозрения в политической неблагонадежности, особенно опасные в его положении. «Дух реакции доходит до того, что сочинения Толстого преследуются, как какие-то революционные прокламации», — писал Чайковский 7/19 апреля 1890 года.

Не только философские и публицистические произведения Толстого, но и его художественные творения вызывали со стороны

царского правительства и церковных властей резко враждебное к себе отношение, ибо в произведениях Толстого во весь голос звучал пафос сурового осуждения лжи и лицемерия буржуазного общества, пафос отрицания действительности и страстного протеста против всего, что поддерживало прогнивший социальный государственный строй самодержавной России.

Чайковский всеми силами души сочувствовал Толстому как выразителю общественных настроений протеста: «Мы переживаем ужасное время», — писал он, — и когда начинаешь вдумываться в происходящее, то страшно делается. Однако, от политических соображений воздержусь». Что же вынуждало Чайковского воздерживаться от политических высказываний? Что заставляло его, говоря о Толстом, вместо слов ограничиваться восклицательными знаками?

Вспомним некоторые события тех лет. 1 марта 1887 года были арестованы четыре студента Петербургского университета, участвовавшие по решению партии «Народная воля» в подготовке покушения на царя Александра III. Среди них находился Александр Ильич Ульянов. Чуть ли не на следующий день после этого неудавшегося покушения по предположению К. П. Победоносцева, Александр III дал специальное рас-

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

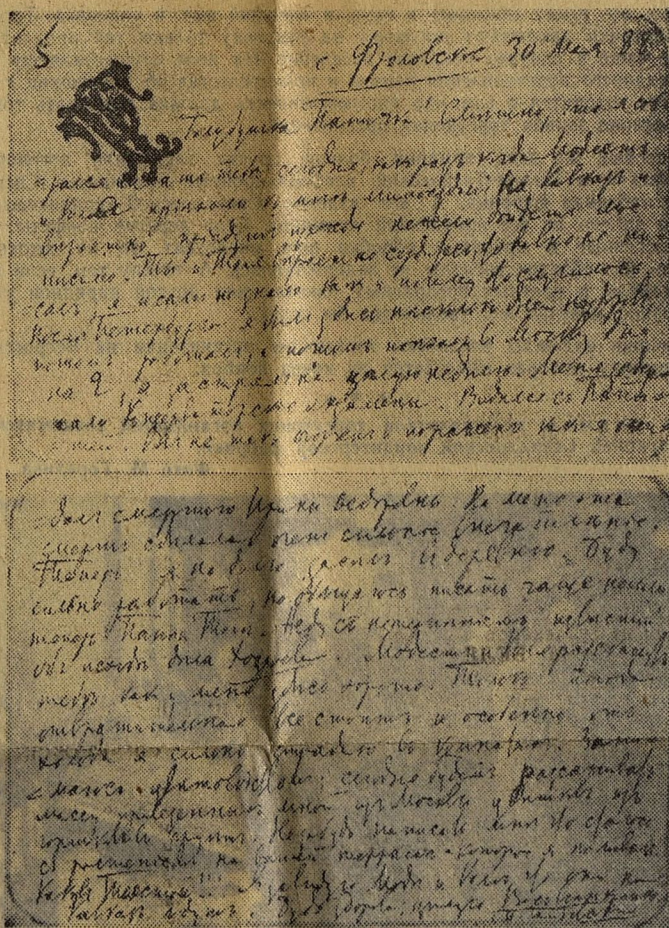
поряжение министру внутренних дел запретить постановку пьесы «Власть тьмы», которая тогда готовилась в Александринском театре. «Надо было бы положить конец этому безобразию Л. Толстого», — писал царь. — Он чисто нигилист и безбожник». Царь и его приспешники считали Толстого чуть ли не главным виновником умственного брожения и народного возмущения. Вслед за запретом постановки последовал запрет розничной продажи пьесы «Власти тьмы».

Первая постановка «Власти тьмы» была осуществлена в Париже. Как раз в это время Чайковский, совершая заграничное концертное турне, был в Париже. 2/14 марта 1888 года в редакции парижской газеты «Фигаро» в честь приезда Чайковского был организован музыкальный вечер, на котором после исполнения ряда камерных сочинений Чайковского был дан силами французской труппы третий акт драмы Толстого «Власть тьмы», что придало этому вечеру политическую окраску.

Весной 1888 года Толстой с котомкой за плечами, сопровождая сыном художника Н. Ге, отправился пешком из Москвы в Ясную Поляну. Это была демонстрация. Полиция всполошилась. Была поднята на ноги жандармерия. Забеспокоилось московское и тульское губернское и уездное начальство, опасаясь крестьянских волнений в тех деревнях, через которые проходил Толстой. В первых числах мая Толстой приступил к пахоте. Дни и недели он проводил на полевых работах. Лишенный права публиковать свои сочинения, Толстой заявил об отказе от писательства.

Все, что было связано с личностью, жизнью, бытом Толстого, со всеми перипетиями его судьбы, очень интересовало общество. Вокруг имени Толстого шла ожесточенная идейная борьба. Чайковский, как свидетельствуют многие его высказывания, был на стороне именно тех передовых сил народной России, которые выражали свои симпатии Толстому и возмущались политической цензурной претертой, полицейскими репрессиями, бешеной травлей, организованной церковниками. В трех восклицательных знаках, акцентирующих скрытый смысл фразы «Каков Толстой», выражается чувство восхищения, гордости и радости по поводу того, что, невзирая на все гонения, придирки, притеснения властей, великий писатель земли русской высоко держал знамя борьбы против тех реакционных сил, которые душили живую, прогрессивную мысль и пытались подавить страстную мечту народа о лучшей доле, о достойной человеческой жизни на земле. Толстой верил в народ. И эту веру разделял с ним Чайковский. Вот в чем смысл фразы «Каков Толстой!!!»

С. РУБИН,
музыковед.

Фотокопия письма П. И. Чайковского. Это одно из 140 писем, обнаруженных свердловским музыковедом С. Рубиным в Ленинграде и переданных им в Клинский музей.

Новые материалы о великом писателе

«В «Воскресении» для меня всего выше (до сих пор) сцены в женской казарме, в тюрьме, после суда. За эти страницы — мало надеть бриллиантовый венчик Толстому на голову...»

Эти строки из письма выдающегося критика и публициста В. Стасова к брату от 9 мая 1899 года. Несколько позднее в письме к родным Стасов, говоря о «Воскресении», о великих русских и зарубежных писателях, подчеркивает: «...но выше и сильнее не было для меня никого, как Толстой».

Оба письма обнаружены в рукописных фондах Пушкинского дома Академии наук СССР. Здесь же выявлен ряд других ценных материалов, связанных с Л. Н. Толстым.